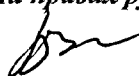

На правах рукописи

Булавкин Александр Александрович

**ПРАВОВОЕ ПРИСВАИВАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

19 MAR 2009

Ростов-на-Дону
2009

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

**Научный
руководитель:**

доктор философских наук, доцент
Маринов Михаил Будимирович

**Официальные
оппоненты:**

кандидат философских наук, доцент
Кривоусков Виктор Владимирович
доктор социологических наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

Ведущая организация: **Институт управления бизнеса и права**

Защита состоится «15» апреля 2009 г. в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д., ул. Пушкинская, 160, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д., ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «05» марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шевелев В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Правовая ситуация в российском обществе представляется достаточно неоднозначной. Можно, с одной стороны, говорить о тенденции нарастания правосознания российских граждан, приверженности правовым нормам, идентификации с институтами права; с другой стороны, отмечается маргинализация права, использование права для извлечения из него социальной ренты. Нельзя, прибегая к обобщенным характеристикам, судить о состоянии общества в целом, в силу того, что российское общество социально поляризовано, универсальные правовые нормы в условиях отсутствия интегрирующих ценностей подвергаются узкогрупповому и корпоративному присвоению.

Оценка права в российском обществе дифференцирована, подвержена динамике, тем менее можно выделить такой существенный компонент, как правовое поведение российских граждан. Интересно рассмотреть, как модели поведения, реализующие определенные правовые нормы, согласуются или не согласуются с существующими в обществе социальными нормами.

Право как наиболее эффективный институт модернизации российского общества проявляется в укреплении таких базисных конструкторов, как собственность, права человека. Очевидны успехи, связанные с тем, что благодаря действию правовых норм в конце 90-х гг. XX в. общество достигло точки невозврата к прошлому. В свою очередь, правовое поведение находится в полупериферийном состоянии, не характеризует социальные стратегии россиян.

Существенным моментом в анализе правового поведения можно считать доминирование присваивающего типа правового поведения. Во-первых, оно имеет высокую социальную значимость, свойственно различным социальным группам, не только обладающим доступом к ресурсам права. Во-вторых, присваивающее поведение можно считать стереотипизированным, укладывающимся в обыденные, привычные схемы отношения к праву как ресурсу получения эксклюзивных социальных предпочтений. Хотя правовое поведение граждан непосредственно контролируется государством, которое создает гарантированность правомерного поведения, отсутствие

института социального контроля делает присваивающее поведение наиболее ожидаемым и востребованным в российском обществе.

Признаки присваивающего поведения многообразны, оно может проявляться как в использовании права для решения системных политических и экономических проблем, так и на социальном микроуровне, но главная его характеристика – это формальное соблюдение правовых норм, использование правовых норм в целях достижения определенных групповых или личных интересов. И дело не в том, что присваивающее поведение ориентировано на презентацию и реализацию социальных запросов. Проблема заключается в использовании права как инструмента доминирования, навязывания, социального исключения.

Казалось бы, правовые нормы универсальны, но в данном случае мы имеем дело с латентным использованием права, которое может проявляться в различных сферах общественной жизни. Здесь нельзя ограничиться ужесточением негативных правовых санкций или усилением контроля над деятельностью правоохранительных структур. В свою очередь, правовое поведение аккумулирует структурные и институциональные противоречия российского общества, обеспечивая уровень индивидуальной и коллективной адаптации путем «разделения» права на «нужные» и «ненужные» нормы. И, вероятно, для того чтобы выявить возможности нейтрализации присваивающего поведения, необходимо прояснить объективные и субъективные аспекты данного явления. Объективно правовое присваивающее поведение характеризуется соответствием поведения субъекта нормам права, связано с возможностью использования коридора институциональных возможностей, степенью вовлеченности в институциональные правовые стратегии на основе социальной (должностной) ренты, под которой понимается извлечение определенных преимуществ, исходя из степени доступности к ресурсам права.

Во-первых, присваивающее правовое поведение создается субъектами права как связанное с реализацией действий, не обязательно направленных на правомерность, хотя попадающих под нормативную регуляцию. Деструктивность присваивающего поведения состоит в том, что оно не способствует укреплению социального порядка, хотя и оказывает стабилизирующее влияние, но ценой воспроизводства дисфункциональности института права. Присваивающее

поведение не подпадает в разряд противоправного, но и не является правомерным, хотя оно связано с формальным соблюдением норм, но не основывается на их социальной значимости.

Во-вторых, присваивающее поведение аморфно в том смысле, что, формально соответствуя правовым нормам, оно направлено на их присвоение, закрепление за определенной группой в качестве преференции и демаркации с другими группами. В силу того, что оно не может попадать под разряд неправомерного, возникает определенная юридическая коллизия. И, в-третьих, присваивающее правовое поведение не формирует потребность соблюдения закона. Через осознание прежде всего собственных прав в асимметрии с правовыми обязанностями, как в попытке преодолеть пассивность подчинения государству, оно направлено на закрепление сферы неправовой свободы.

Знание прав граждан не является достаточным условием для преодоления присваивающего поведения, хотя тот уровень правосознания, который наличествует в российском обществе, способствует стереотипизированному, расходящемуся с рефлексивным правовым поведением, восприятию. Таким образом, очевидна проблема достижения баланса интересов общества, государства и гражданина, и если ранее мы говорили о том, что существующая в советское время правовая система оставляла мало пространства для индивидуальной свободы, способствовала идеологической регламентации и «преклонению» перед казарменными закрытыми институтами, то сейчас в условиях формирования правового государства следует выявить возможности преодоления присваивающего поведения на пути к правомерности, включению граждан в систему отношений государства, где право выступает эффективным регулятором общественных отношений.

Степень научной разработанности темы обусловлена наличием социологической традиции в изучении правового поведения, что создает методологическую основу настоящего исследования и актуальность эмпирических исследований современного правового поведения россиян. Но при этом не следует забывать, что феномен присваивающего поведения заключается в его определенной непроницаемости, смешении с неправомерным или неразвитым правовым поведением.

Социологическая традиция в исследованиях правового поведения, идущая от Э. Дюркгейма, Г. Тарда и М. Вебера¹, опирается на приоритетность социальных аспектов правового поведения и рассмотрения его как важнейшей формы социального поведения. Они признавали определяющее влияние социальных отношений, хотя и под разными аспектами, на процессы становления и функционирования правового поведения. В работах Г. Тарда основной является теория подражания, и правовое поведение рассматривается в контексте перенимания индивидами поведенческих стереотипов. Таким образом, присваивающее поведение можно рассматривать как следствие эффекта массовизации, объединения в толпу, но единственно эффект безнаказанности не является объяснительным в концепции правового поведения. Скорее правовое поведение основывается на концепции ожидания или манифестации, в понимающем поведении усматривается логика превосходства над индивидуальным (осознанным) выбором.

В работах Э. Дюркгейма присваивающее поведение является состоянием общества, которое связано с исчезновением морали как общественного регулятора и возникновением индивидуалистического восприятия права. Можно сказать, что Э. Дюркгейм видит возможность преодоления присвоения права в становлении органической солидарности. В условиях же аномии присвоение гипертрофируется, так как правовые ориентации связаны с пренебрежением и негативными санкциями права, и расхождение между правовыми нормами и существующими в обществе социальными ценностями делает право заложником репрессивности. Присваивающее поведение отдаляет перспективу реститутивного права, направленного на становление социальной кооперации, поэтому в координации поведения с правовыми нормами, в согласовании поступков с нормами права следует отметить, что присваивающим поведением страдают наиболее подверженные социальной девиации группы.

М. Вебер анализирует присваивающее поведение не в контексте рационализации общественных отношений, присвоение свидетельствует о сложности перехода ценностнорационального поведения к

---

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 36–51; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 260–269; Тард Г. Законы подражания. СПб., 1902.

поведению целерациональному, хотя правовой порядок и унифицирует социальное поведение людей, так как обладает определенной значимостью. В то же время эмпирически присваивающее поведение выше нормативного, так как позволяет скоррелировать социальные смыслы, вкладываемые в него различными индивидами.

Присваивающее поведение является следствием чрезмерной бюрократизации права. В работах представителей неклассической социологии Э. Гидденса, П. Бурдьё¹ присваивающее поведение анализируется на основе преодоления структурализма, точнее утверждается, что в присвоении присутствует интернализация права через перцептивную избирательность социального опыта, и для присвоения характерны процедуры капитализации, несмотря на изменение внешних рамок применения права.

Интереса заслуживает мысль П. Бурдьё о том, что присваивающее поведение можно рассматривать как логику присоединения к доминирующей группе для реализации собственных интересов в рамках существующего легитимного порядка. Так, Э. Гидденс, отказываясь от теории контейнерного государства, видит присвоение следствием того, что государство перестает выполнять обязательства по отношению к гражданам, и на уровне практического знания присвоение становится алгоритмом поведения. Вместе с тем сложность и противоречивость современных процессов, связанных с возрастанием социальной неопределенности, свидетельствуют о том, что нахождение жизненных троп при потере онтологической безопасности характеризует присвоение как реалию поведения, направленного на условное соблюдение правовых норм.

В отечественной науке присваивающее поведение исследуется в трех аспектах. В работах В. Ядова, Т. Заславской, М. Шабановой, О. Шкаратана² присвоение анализируется как следствие неразвито-

¹ Бурдьё П. Начала. М., 1994; Бурдьё П. Социология политики. М., 1993; Гидденс Э. Социология. М., 2006; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурности. М., 2003.

² Заславская Т.И. Современное российское общество. М., 2004; Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик. // Общественные науки и современность. 2001. № 5; Ядов В.А. Проблемы российской трансформации. СПб., 2006; Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000; Шкаратан О.И. Российский порядок. Вектор перемен.

сти базисных социальных институтов, в частности института собственности, право ассоциируется с патернализмом со стороны государства, сделан акцент на взаимосвязи присвоения и социальных позиционных установок.

Такого же взгляда придерживаются российские социологи В. Лапаева, А. Кудрявцев, М. Попов, В. Казимирчук¹, считающие, что присвоение не может рассматриваться вне контекста мотивации правового поведения, механизма его реализации. Как мы видим, теоретическое осмысление сужено до выявления институциональных дефектов права и низкой правовой культуры населения.

В работах З. Голенковой, А. Олейника, Л. Тимофеева² подчеркивается социальная значимость правового поведения, и к основным признакам правового присвоения относится отсутствие осознанности у субъектов правового присвоения предвидения определенных правовых последствий такого поведения, что связано с неразвитостью гражданской мотивации и стремлением обойти или минимизировать контроль со стороны государства за соблюдением права. В таких условиях, подчеркивают сторонники заявленной позиции, развитие гражданского общества позволит в перспективе преодолеть присваивающее поведение путем реализации через сети гражданского общества, стратегий, ориентированных на социально-желаемое правовое поведение.

Теоретическое осмысление данной проблемы определяет исследовательскую стратегию как анализ правового поведения на уровне выявления взаимодействия системных изменений и совокупности эффектов социального микроуровня.

Гипотеза исследования. Присваиваемое правовое поведение в

¹ Лапаева В.В. Право и политика. Из научной публицистики. М., 2005; Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. Кудрявцев Л.Д. Современное общество и правственность. М., 2000; Попов М.Ю. Правовая культура как элемент социального порядка. Власть. 2006. № 6; Попов М.Ю. Социальная аномия и её влияние на социализацию. Власть. 2006. № 2.

² Голенкова З.Т., Нигмханян Е.Д. Средние слои в современной России // Социологические исследования. 1998. № 7; Олейник А. Институциональная экономика. М., 2005; Олейник А. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Политические исследования. 2001. № 2; Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. М., 2001.

российском обществе является доминирующим, что связано с дисфункциональностью института права, избыточностью правовых норм, их неадаптированностью к групповым практикам, что приводит к использованию права для давления, как инструмента «просительства». В целом, соблюдение присваивающего поведения дает возможность демонстрации правовой лояльности, но в силу селективности применяемых норм создает условия для распространения неформальных практик и ориентирует на восприятие права как преимущественно защитного, охранительного, что приводит к пониманию, освоению правового поведения как ориентированного на определенные групповые образцы и связанного с ожиданием некоторых выгод или, по крайней мере, ухода от социальной ответственности.

Цель диссертационного исследования состоит в анализе присваивающего правового поведения и выявлении институциональных и структурных факторов, влияющих на становление и массовизацию присваивающего поведения.

На основе реализации основной исследовательской цели формулируются **задачи**:

рассмотреть теоретико-методологические подходы к исследованию присваивающего правового поведения;

выявить особенности формирования присваивающего правового поведения в условиях перехода российского общества к правовому состоянию;

охарактеризовать институциональные предпосылки присваивающего правового поведения, вызванные дефектами, дисфункциональностью института права в российском обществе;

проанализировать структурные компоненты присваивающего поведения, взаимосвязи между принятием присваивающего поведения и социально-статусными позициями россиян;

определить субъективно-правовые мотивации российского населения, связанные с предпочтением присваивающего правового поведения;

изучить тенденции преодоления или упрочения присваивающего правового поведения в современном российском обществе.

Объектом исследования в данной работе является правовое поведение российского населения как модели, ориентированной на

принятие, использование и реализацию правовых норм в социальной деятельности.

Предметом исследования является присваивающее правовое поведение как поведенческая модель, ориентированная на рентное отношение к правовым нормам.

Теоретико-методологической основой исследования являются идеи и выводы, сформулированные в классической социологии Э. Дюркгейма, Г. Тарда, М. Вебера о присваивающем правовом поведении как поведении, ориентированном на использование дефектов права и возможности его адаптации к индивидуальным и групповым интересам, а также положения неклассической социологии П. Бурдьё, Э. Гидденса, согласно которым причины присваивающего поведения связаны с практическим знанием, ориентацией на воспроизводство «надежных» форм жизнедеятельности. Автор опирался на труды отечественных социологов В. Ядова, А. Здравомыслова, В. Лапасовой, А. Кудрявцева, Д. Матяша, которые разрабатывают проблемы становления, формирования отношения к праву в контексте социально-структурных изменений и институциональных инноваций в российском обществе. В работе исследовались процедуры из системного сравнительного и статистического анализа.

Эмпирическую базу исследования составили данные государственной статистики, материалы исследований Института социологии РАН под руководством М. Горшкова, Фонда общественного мнения (ФОМ). В работу включены результаты конкретных социологических исследований, выполненных учеными МГУ, РГУ.

Научная новизна исследования заключается в следующем: рассмотрены теоретико-методологические подходы к социологическому исследованию присваивающего правового поведения, в которых охарактеризована эволюция перехода от административных и идеологических парадигм права к концепции права без ответственности, обусловленная самим характером институциональных и структурных изменений в российском обществе;

выявлено, что в настоящий период произошло изменение мотивов правового поведения, замещение его инструментальным, наибольшую значимость приобрел такой фактор, как извлечение ренты из правового поведения;

исследованы коридоры институциональных возможностей для присваивающего правового поведения, что вызвано дефицитом правовых ресурсов, а также сбоями функционирования института права, превалирования латентных функций, ведущей из которых является обеспечение неравного доступа к ресурсам права различных групп населения;

охарактеризованы социально-структурные изменения в российском обществе, которые повлекли выпадение определенных групп из мирового пространства или отношение к праву как способу удовлетворения корпоративных или групповых интересов;

выявлены субъективные правовые мотивации россиян, ориентированные на право как инструментальную ценность, которая имеет значимость в отношении к другим группам, но не действует в социальной микросреде;

изучены тенденции воспроизводства и развития присваивающего правового поведения, согласно которым доминирование правового поведения устойчиво и может минимизироваться в условиях не столько совершенствования правовых механизмов, сколько обеспечения реального доступа к праву, и формирования в обществе отношения к правовым нормам как нормам, способствующим согласованию социальных интересов и достижению социальной стабильности.

Новизна постановки проблемы и предлагаемых подходов к ее решению нашла отражение в основных тезисах работы.

На защиту выносятся следующие положения:

Анализ существующих теоретических подходов к проблеме присваивающего правового поведения показывает, что хотя структурные и институциональные предпосылки присвоения права актуальны в современных условиях, большую значимость обретают преференциальные установки на использование права как социальной и групповой ренты для реализации корпоративных и групповых интересов. В этих условиях полезным эвристическим потенциалом обладает структурно-деятельностный подход, рассматривающий присвоение права через призму интернализации права в соответствующих базисных установках в правовом поведении. Тем не менее, взаимодополнительность (комплиментарность) как принцип исследования позволяет добиться объяснения присваивающего правового поведе-

ния как феномена, имеющего тенденцию к воспроизводству в условиях возрастания социальной неопределенности и неопеспечения потребности в свободе и порядке личности.

В условиях социальной поляризации российского общества и акцента на институте права как институте легитимации возникающего социального порядка, присваивающее правовое поведение характеризует отход от советской этацентристской парадигмы к парадигме использования, которая не является в чистом виде инструментальной, так как зависит не только от ситуативного использования, но и от отношения к праву как отношению к государству, но не регулятору межличностных, межгрупповых взаимодействий. Такая ситуация с правом в российском обществе способствует нацеленности на эмпирическую верификацию не в рамках одобрения/неодобрения правовых норм, а сравнения субъектов правового поведения по критерию реализации правовых норм в групповых социальных практиках.

Институциональные предпосылки присваивающего правового поведения, на первый взгляд, вызваны дисфункциональностью института права, несовершенством правовых механизмов реализации права. Анализ правовых практик россияни приводит к выводу, что ориентированность на присваивающее правовое поведение находится во взаимосвязи с возможностью использования институциональных ресурсов, с включением тех или иных правовых норм в реализацию жизненных планов. До тех пор, пока институт права не может рассматриваться как гарантия защищенности личных интересов или уравнивания жизненных шансов каждого, отношение к институту права основывается на формуле присвоения, актуализации тех институциональных ресурсов, которые связаны, с одной стороны, с расширением сферы приватной деятельности, независимой от социального контроля, с другой – с ожиданием со стороны государства репрессивных или поощрительных норм к конкретным группам населения. Такая внешне парадоксальная позиция способствует воспроизводству присваивающего поведения как адаптационного в соответствии с жизненными запросами конкретных групп населения.

Сегментация социальных отношений в российском обществе, встраивание параллельных социальных миров, где действуют групповые социальные нормы, ориентируют на преференциальное отношение к праву, становятся барьером на пути к его нормативному

восприятию. Для российского общества определяющими являются критерии символической принадлежности противопоставления «своего» / «чужого», «высшего» / «низшего», что проецируется на правовом поведении в виде разрыва между восприятием права как равенства перед законом и дифференцированного отношения к праву как социальному капиталу. Формула «За новыми правами скрываются отношения господства/подчинения» не обладает достаточной объяснительной силой, поскольку в пространстве присваивающего правового поведения позиции групп связаны с добровольным принятием отношений неправовых практик, стимулируя акцент на правоохрнительное, а не правозащитное поведение. Присваивающее правовое поведение обладает большей разрешительной силой по отношению к сочетанию законных и противозаконных средств жизненных практик, и в силу этого обстоятельства склонность к присваивающему поведению не зависит от шансов отстоять свои права. В качестве ресурса используется неформальный социальный капитал, и занятие неправовых ниш помогает в большей степени реализовать свои цели, чем правовые, что приводит к обмену определенных прав ради обретения значимых социальных результатов.

Субъективно-правовые мотивации российского населения основываются на принятии права, согласно стереотипизированному представлению, как инструмента достижения определенных социальных выгод, и предпочтение отдается адаптированным правовым нормам, вписывающимся в привычные образцы поведения и способным к согласованию для избежания когнитивного диссонанса. В условиях, когда в обществе утверждается формула правового произвола, особую важность обретает извлечение отношения к праву по критерию занятия выгодных позиций и использование права в качестве автономного, не зависящего от общества регулятора, что не исключает применение взаимовыгодных правовых практик, но ослабляет авторитет закона и веру населения в формально-правовые процедуры. Однако, присваивающее правовое поведение актуализирует общественный запрос на вывод практики права из сферы группового присвоения на уровень легальных контролируемых обществом и государством правовых отношений.

Перспективы нейтрализации и, в конечном счете, преодоления присваивающего правового поведения связаны с внедрением в общество практики выгоды соблюдения права по сравнению с транс-

акционными издержками. Можно сказать, что российское общество «застыло» на полпути к нормативному правовому поведению, и самодостаточность, которая характеризует присвоение права, способствует пониманию права как основанного на согласовании интересов. В результате в позициях россиян признается деструктивность правового присвоения, которая, хотя и поддерживает относительную стабильность, на практике ведет к снижению социальной значимости права и не стимулирует выработку устойчивых институциональных практик. Таким образом, в переходе к нормативному правовому поведению заложена возможность замещения баланса сил балансом интересов, не ограниченных соображениями рентоискательства.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется теоретическим осмыслением происходящих изменений в сфере правового поведения россиян, позволяющих выявить и обосновать перспективы перехода к нормативному правовому поведению, на основе которых можно совершенствовать систему правового воспитания и повышать его социальную эффективность. Выводы и положения диссертационной работы применимы в деятельности правоохранительных органов по укреплению правозаконности в российском обществе. Результаты исследований могут быть использованы в процессе преподавания общего курса социологии и при разработке курсов и лекций по социологии права и экономической социологии, социологии молодежи.

Апробация работы. Концепция диссертации, основные положения, выносимые на защиту, и теоретические выводы обсуждались на заседаниях кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Главные положения, теоретические и практические выводы и результаты исследования были изложены автором в докладах и выступлениях на научных семинарах и научно-практических конференциях в Ростове-на-Дону в 2007 – 2008 гг.

Результаты диссертационного исследования представлены в 5 научных работах (в том числе в изданиях, упомянутых в списке ВАК) общим объемом около 3,6 п. л.

Структура диссертации включает введение, 3 главы, состоящих из 6 параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении показывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, формулируются цель и задачи, обосновывается гипотеза исследования, показаны научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, и практическая значимость исследования.

В Главе 1 «Теоретико-методологические основания исследования правового поведения» обосновываются теоретико-методологические принципы исследования правового поведения на основе сравнительного анализа подходов, разработанных в классической и постклассической социологии, а также выявляется специфика формирования и воспроизводства правового присвоения в российском обществе.

Параграф 1.1 «Теоретико-методологические подходы к проблеме правового поведения» посвящен анализу правового поведения в контексте социологического знания и определению аналитического и эвристического потенциалов существующих подходов в осмыслении правового присвоения.

Диссертант приходит к выводу, что классическая социология показывает правовое поведение в системе дифференциации общественных отношений, в контексте развития коллективных форм организации и сознания. Такая мысль обосновывается в работах авторов, стоящих на взаимоисключающих позициях – Г. Тарда и Э. Дюркгейма. Но для того чтобы выявить «нюансы» классической социологии, следует прибегнуть к процедуре обнаружения общего и различного в подходах к проблеме правового поведения, хотя мы еще раз подчеркнем, что классическая социология стоит на позиции номинализации правового поведения как формы социального поведения.

Подчеркивается, что в определении правового поведения, данного французским социологом Г. Тардом, превалирует понимание его через механизм подражания. Для Тарда безусловным является то, что социальное поведение есть результат взаимного подражания в процессе совместной деятельности индивидов, так как правовое поведение относится к массовому, его сущность связывается с современным обществом. Неслучайно Тард пользуется выражением «социальная логика», согласно которому в поведенческих устремле-

ниях человек не может руководствоваться формально логическими понятиями, будучи, скорее, связанным восприятием стереотипов.

Таким образом, правовое поведение становится социальным через формирование правовых стереотипов, и, как правило, любой стереотип страдает определенной аморфностью. Между людьми слаба связь на уровне правовой рефлексии, и, другими словами, правовое поведение возможно как продолжительное подражание¹. Для Тарда правовое поведение возможно благодаря тому, что оно способствует прогрессу во взаимодействии классов, укрепляя между ними элементарную социальную связь. С точки зрения Тарда, право есть и результат, и условия единообразия, так как равенство перед законом легитимирует социальное подавление.

Выявлено, что взгляды Тарда на правовое поведение (как реализующее равенство перед законом и в силу этого являющееся условием преодоления дезорганизации), близко к позициям Э. Дюркгейма, что, однако, не дает возможности говорить об их совпадении. Э. Дюркгейм, как известно, придерживался реалистической позиции, для него общество приоритетно по отношению к индивидам, и правовое поведение основывается на системе общественных изменений. Настаивая, что современное общество является обществом органической солидарности, Дюркгейм обращается к классификации юридических правил. Для традиционного общества характерно репрессивное право, современное же общество применяет реститутивные формы, связанные с укреплением положительной солидарности, с тем, что право служит исправлению, а не наказанию индивида через негативные санкции.

Обосновывается, что для Дюркгейма позитивная солидарность есть система различных специальных функций, объединенных определенным способом представлять связь индивида с обществом без всякого посредника². Дюркгейм видит в правовом поведении способ организации взаимодействия между индивидом и обществом, исходя из правового равенства индивидов. Правовое поведение генерализировано в силу того, что содержит обязательные элементы для индивида, выполняющие различные функции³.

¹ Западно-европейская социология XIX – начало XX века. Тексты. М., 1996. С. 147.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 259.

Диссертант придерживается позиции, что если для Тарда важен механизм подражания поведению, он рассматривает этот фактор как массовидный, для Вебера институциональные средства не находятся в фокусе исследовательского интереса, и он помещает правовое поведение в контекст реализации индивидом социальных функций, считая, что правовое поведение как любой тип социального действия имеет субъективное значение. Для Вебера правовое поведение целерационально, в нем право выступает средством, если традиционное общество строится на ценностно-ориентированном и традиционном поведении, в правовом поведении выражено стремление достигать цели рациональными средствами, которые лишены эмотивной, аффективной окраски, ведь право выступает формализованным и в силу этого обстоятельства универсальным инструментом.

По мнению диссертанта, для Вебера важно соотношение субъективных мотиваций и норм права. Специфической особенностью действующих индивидов в правовом поведении является то, что они варьируют рамки поведенческих установок, но значение, которое они придают своим действиям, основывается на принудительной силе права.

Диссертант исходит из того, что право выступает как способ организации социального взаимодействия в контексте детрадиционализации общества. Постклассические социологи (Э. Гидденс, П. Бурдьё), отмечая, что существуют объективные структуры, независимые от сознания, в то же время придают значение схемам восприятия, практическому знанию, которое актуализируют индивиды в процессе взаимодействия. Иными словами, выдвигается концепция двойного измерения социальной реальности¹. В концепции габитуса П. Бурдьё правовое поведение является интернализацией правовых норм и экстернализацией социального опыта, т.е. действуя в рамках габитуса, индивид исходит из системы устойчивых и переносимых диспозиций². Нельзя сказать, что право обеспечивает единственную устойчивость личности. Личность действует по логике права в соответствии с тем, что социальные траектории она вынуждена соблюдать в условиях социальной неопределенности.

Охарактеризовано, что английский исследователь Э. Гидденс рассматривает правовое поведение в контексте структуризации. Речь

¹ Коркьюф Ф. Новые социологии. М.; СПб., 2002. С. 38.

² Там же. С. 46.

идет о взаимообусловленности конструирования социального мира, при котором право помещается перед действием в качестве условия и после действия в качестве результата. Для Гидденса право не является абстрактным инструментом, оно обладает эмпирически осязаемой реальностью, но только если оно актуализируется в действии. Характерно, что, являясь сторонником правового государства, Гидденс предполагает, что не все индивиды в обществе социально компетентны и воспринимают право в дискурсивной форме.

Таким образом, классическая социология определяет структурно-рациональный аспект правового поведения. Это относится и к М. Веберу, который хотя и вкладывает в правовое поведение субъективный смысл, в целом связывает его с рационализацией общественных отношений, бюрократизацией, установлением рациональной законной власти и представляет право как привыкание индивида к навязанным обстоятельствам.

Итак, неклассическая социология выходит на осмысление конструктивистского «субъективного» измерения правового поведения, в котором индивид исходит из социального опыта, или практического знания, что приводит к расхождению между дискурсивным правовым и практическим поведением, которое может иметь непреднамеренные результаты. Поэтому то, что квалифицируется в системе права, дискурсивного знания как операция, может восприниматься на социальном микроуровне как наиболее эффективное использование правовых норм, как соответствующая жизненным установкам процедура актуализации.

В параграфе 1.2 «Особенности присваивающего правового поведения в российском обществе» характеризуются условия и направленность правового присвоения в поведении россиян как практик, связанных с инструменталистским и «рентным» использованием права.

Автор диссертации отталкивается от того, что российское население проходит достаточно сложный период адаптации к кардинально изменившимся социальным условиям. Правовые новации были выбраны магистральным путем и условием модернизации общественной жизни, прежде всего в сфере внедрения института частной собственности и формального декларирования демократических прав. Однако этот процесс асимметричен: в обществе укрепилось

господство неправовых социальных практик, так как не были созданы условия функционирования института права как базисного социального, наряду с институтом собственности. Говоря об этом, следует отметить, что правовое поведение россиян в предшествующий советский период строилось на основе системы социальной дистрибуции: существовала формула обмена прав на лояльность и опеку власти.

Выявлено, что наступление периода «стихийного» реформирования привело к тому, что правовые нормы, востребованные как ориентирующие повседневное поведение, оказались неэффективными в условиях социальной анархии и актуализации схем присвоения собственности по критерию близости к власти. Пытаясь выяснить, как это влияет на формирование правового поведения россиян, можно сказать, что в российском обществе право воспринималось прежде всего как способ легитимации установившегося социального порядка, связанного с переделом собственности и возникновением резких форм социально-имущественного неравенства.

На взгляд диссертанта, в российском обществе не сложились механизмы взаимодействия между правовой системой и населением, которые бы позволили реализовать принцип соответствия субъективных мотиваций и правовых норм. В понимании права россияне исходят из приоритета власти, т.е. в право вносится патерналистский / клиентелистский смысл, и оно определяется на уровне отношений господства / подчинения. Отсюда стремление использовать право как механизм не артикуляции или согласования интересов, а утверждения силового потенциала группы или конкретных индивидов. Если право рассматривается как инструмент давления и влияния, вполне определенным является групповое или индивидуальное присвоение права.

Отсюда следует вывод, что главным критерием присваивающего поведения в России является повышение адаптационной способности. Действительно, этот критерий является достаточным основанием для оценки сдвигов в социальном поведении. Следует отметить, что соответствие этому критерию достигается в условиях социальной неэффективности института права и в то же время отмирания старых авторитарных и административных привычек. Право, к сожалению, до сих пор не является организационно независимым

от власти, что усиливает влияние приходящих интересов, прежде всего элитных, связанных с правом.

Делается вывод, что позитивная предпосылка для анализа правового присвоения состоит в том, что общество так или иначе пытается преодолеть не только правовой нигилизм, но и присвоение через соединение системы равноудаленности от власти и исполнение формулы правового равенства (равенство перед законом). Наше исследование показывает, что в обществе запущен принципиально важный процесс внедрения правового поведения, но его практическое воплощение таково, что законопослушные граждане остаются один на один со своими проблемами, не ощущая социальных выгод от использования легитимных практик. Таким образом, ключевая проблема правового присвоения заключается в том, что необходимо осознать, что присвоение имеет основу не только в социальной интеграции в обществе, но и в существовании правовых стереотипов. Только завоевание лидерства нормативным правовым поведением, повышение правовой компетентности населения, заключающейся в умении защищать свои права и осознавать свою правовую ответственность, наверное, способно обеспечить прорыв в этой области. О том, какой является эта перспектива, можно судить, только обратившись к объективным и субъективным аспектам данной проблемы.

Глава 2 «Присваивающее поведение в контексте социальной трансформации российского общества» содержит анализ объективных факторов формирования и дисперсии правового присвоения, связанного с состоянием института права и влиянием социально-статусных позиций на отношение к праву.

В параграфе 2.1 **«Институциональные предпосылки присваивающего правового поведения»** определяются институциональные ограничения присваивающего правового поведения россиян, взаимной зависимости дисфункциональности права и включенности в правовые практики российского населения.

Подчеркивается что, в российском обществе сложилась новая институциональная система, новые правила, которые хотя и не являются правилами игры, все-таки демонстрируют и регламентируют социальную деятельность россиян. Выявлено, что характерным для отношения россиян к институту права является то, что именно государственное управление и контроль считаются полезными в за-

щите прав человека, и такая позиция, на наш взгляд, неслучайна. Соизмеряясь с тем, что в обществе создана единая вертикаль власти, эффективно управляющая страной, вероятно критерий защиты прав человека заключается, наряду с контролем стратегических отраслей экономики, поддержанием социальной сферы, и в охране общественного порядка¹.

На взгляд диссертанта, в понимании института права проступают контуры дифференциации, связанные с тем, что жители мегаполиса, более образованные и благополучные, конечно, предъявляют к институту права более «современные» требования, связанные с защитой прав человека, предпринимательства, свободой слова. В то же время российская провинция нацелена на этнографическое восприятие института права, на сильное государство, и если отвлечься только от прямых социальных влияний, разницы в доходах населения, уровне социального благополучия, можно считать, что в отношении к институту права и выявляется правовая компетентность, информированность населения о деятельности правоохранительных институтов и структур.

Подчеркивая важность института права в обеспечении правопорядка, личной и социальной безопасности, население идентифицирует себя с институтом права как институтом силы, как институтом государства, институтом, проявляющим жесткость и силу, и этот момент является источником в мотивации присвоения права.

Диссертант придерживается позиции, что необходимо разделение функций права, которые обращены к гражданам или к деятельности государства, но которые в состоянии быть контролируемы со стороны государства и общества, иначе партикулярные правовые реформы не улучшат, а могут лишь ухудшить правовую ситуацию в виде роста коррупционных правовых издержек. Вызывает нарекание несбалансированность двух основных компонентов российской правовой системы, и если правовая реформа заключается лишь в смене способа политической необъективности, основной проблемой все же является реализация таких организационных форм, в которых принцип равенства права мог бы реализоваться эффективно. Другая причина заключается в высокой степени манипулирования правом со стороны имеющих доступ к правовым ресурсам групп. При не-

---

¹ Свобода, равенство, братство. М., 2007. С. 258.

достатке институциональных средств для сдерживания групповых претензий, отсутствия интереса к совершенствованию правовых механизмов население склонно довольствоваться минимальной информацией о влиянии права на правоохранительные системы российского общества, что дает возможность, при внешнем сохранении правовых норм, злоупотреблять правом. Отчуждение от понимания права как механизма артикуляции и согласования интересов население, тем самым, теряет реальную возможность участвовать в оценке правовой системы. Констатируется, что такой разрыв приводит к тому, что отношения между правовым институтом и гражданами строятся по модели присвоения, но не связаны с ожиданиями или правилами.

В параграфе 2.2 «Присваивающее поведение в контексте социальной дифференциации российского общества» рассматривается влияние социально-статусных позиций населения на включенность права в систему внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Отмечается, что российское общество социально сегментировано, что правовые нормы артикулируют согласование интересов, используются в качестве инструмента лоббирования групповых интересов. Тем не менее, мы считаем, что существуют не только групповые формы присвоения, но и так называемые модальные схемы, действующие независимо от социально-статусных позиций. В выборе своего отношения к праву, правовых мотивациях россияне склонны исходить не из конкретной социально-экономической ситуации, а из субъективной самооценки, из того, что в праве для них видится этакратизм, что с правом связывается порядок или контроль со стороны государства.

Если основываться на удовлетворенности жизненных потребностей населения как показателя адаптированности, влияющего существенным образом на отношение к праву, выявляется дифференцированность позиций, зависимость от уровня удовлетворенности, готовности / неготовности к присваивающему поведению. Характерно, что при общем доминировании позиции «скорее не очень удовлетворень», несмотря на то, что эту позицию можно назвать позицией привыкания или стабилизацией самочувствия, как раз она

создает благоприятный фон присваивающего поведения¹. Это приводит к выводу, что в условиях, когда ни статус, ни квалификация, ни собственность не играют социально-значимого влияния, присвоение представляется наиболее оптимальным с позиции сохранения, удержания социального статуса и свыкания с жизненными обстоятельствами. Так, в присвоении основная роль принадлежит не правовой компетентности, которая может выступать «помехой», не возрастным характеристикам, скорее оно дает возможность выравнивания шансов, так как индивиды независимо от социальных позиций следуют формуле удовлетворенности / неудовлетворенности, которая не минимизирует оценку социального вреда присваивающего поведения и усиления его социальной полезности.

Выявлено, что в оценке возможностей достижения взаимопонимания между бедными и богатыми компромиссные взгляды основываются на достижении максимально возможного улучшения своего положения в рамках существующей системы, не отвергая господствующие в обществе схемы, а действуя в соответствие с ними². При том, что право может быть заявлено в ценностном измерении, стремление к извлечению пользы приводит к восприятию прагматизма в интерпретации правового поведения, критерия выгоды. В то же время, так как формирование правовой эффективной системы не считается основным результатом модернизации российского общества, правовое поведение не рассматривается самостоятельным, не является эффективным в силу того, что перемена социальных позиций не зависит от выбора правомерного и неправомерного поведения. Потеря значимости статуса образования и квалификации снижает востребованность правовой компетентности, когда она не является весомым «социальным аргументом» в пользу отстаивания социальных позиций. Можно считать, что наиболее активной стратегией является выбор: адаптироваться самостоятельно или ждать, надеясь на улучшение ситуации. Таким образом, хотя и выражается готовность к усилиям, направленным на то, чтобы найти свое место в новой реальности, она свойственна прежде всего лидерам с высшим образованием. Здесь скорее играет роль ощущение престижа

¹ Динамика социального экономического положения населения в России. 2008. Вып. 2. С. 54.

² Там же. С. 74.

ности высшего образования, не позволяющего человеку включиться в нисходящую социальную мобильность, что выявляет при минимальной правовой компетентности понимание того, что право не имеет определенного значения в реализации жизненных стратегий присвоения, присваивающего правового поведения.

В целом в российском обществе происходит процесс, который можно назвать институционализацией присваивающего правового поведения. Но, во-первых, присваивающие практики, как мы отмечали, ограничиваются правовыми рамками, и в этом смысле хотя и не представляется альтернатива неправомерному поведению, они являются компромиссными с позиции правовых норм, колеблются в рамках социально допустимого. Во-вторых, дефицит правовых ресурсов, неравенство в их использовании и применении воспроизводит замкнутость института права, а пользователь права нацелен на латентные формы освоения групповых функций. И, в-третьих, стабильность российского общества достигается за счет привыкания к сложившимся условиям, пассивной или активной адаптации. Это обстоятельство снижает потребность в использовании правового поведения как деятельностного аспекта легитимации существующего социального порядка и ориентирует различные группы и слои населения, в зависимости от социальных позиций, к включению правовых норм в качестве средства адаптации в существующей системе доминирования – подчинения.

В Главе 3 «Субъектное измерение присваивающего правового поведения» определяются мотивационные схемы правового присвоения в поведенческих моделях российского населения на основе анализа правовых установок, соотносимых с жизненными траекториями.

В параграфе 3.1 «Присваивающее правовое поведение в установках российского населения» выявлена взаимосвязь правовых установок и ориентации на присвоение права в правовом поведении россиян.

Если говорить о состоянии правового поведения российского населения, то в нем можно выделить особенности, определяемые как советским прошлым, так и той ситуацией, которая сложилась в России в период системных социальных преобразований. И здесь необходимо учитывать, что решающим для становления правовых

установок россиян является социальный контекст, а также условия интернализации правовых норм в рамках семейного индивидуального опыта взаимодействия, межпоколенческого диалога. Мы выявили, что в российском обществе существует понимание того, что если нет порядка, то жить невозможно, следовательно, наведение порядка является чрезвычайно важной проблемой.

Подчеркивается, что общественная мотивация, связанная исключительно с правовым порядком, а не с распространением правовых норм на все сферы общественной жизни, сужает критерии мотивации правового поведения к охранительным, не связанным с самореализацией личности и совершенствованием правовых норм, а также повышением правовой культуры. То, что возникает перенесение гражданами ответственности на государство, можно проследить из устоявшейся причинно-следственной связи, согласно которой если в обществе нет порядка, то государство и создано для того, чтобы его поддерживать.

Выявлено, что население хотело бы, чтобы государство поддерживало порядок при помощи правовой чрезвычайности и применяло практику преследования в отношении прежде всего нечистых на руку государственных служащих и предпринимателей для того, чтобы был наведен порядок, чтобы «вор сидел в тюрьме». Но такой правовой популизм ведет к тому, что расширяются рамки социально допустимого правомерного поведения. Отсюда исходит санкционирование предельно широкого толкования правового поведения, особенно в межличностных контактах, при сохранении правового ритуализма по отношению к государству.

Диссертант отмечает, что утрата в обществе идеала общественного альтруизма, служения общественным интересам, привела к формализации гражданской мотивации, из которой исключен важный коллективистский компонент. Актуальность такого выявленного суждения подтверждается тем, что в отрицании законности, что правовой ритуализм приводит к тому, что население фактически не рефлексивно относится к закону, не стремится к обладанию правовыми знаниями, полагая, что любой закон каким бы совершенным ни был, является инструментом государства или определенной группы, осуществляющей правоприменительную деятельность. Нельзя сказать, что полностью воспроизводится формула «закон, что дыш-

ло, куда повернул, туда и вышло», но фактически нейтрализуются стремления к правовой компетентности как условию гражданской мотивации.

Определяется что, возлагая на государство ответственность за соблюдение права и делая его единственным гарантом прав и свобод граждан, население тем самым устраняется от важной для современного общества проблемы социального участия, активного правового поведения. Характерно, что и правозащитные организации, которые вроде бы представляют общественный третий сектор, поддерживает только треть россиян, это и является сдвигом для общества, которое только сравнительно недавно отошло от традиционной административной модели.

Правовые установки стимулируют воспроизводство присвоения права как поведенческого эффекта, направленного на инструментальное использование права в групповых (корпоративных) интересах. Естественно, выигрывают группы, обладающие большим потенциалом внутри групповой сплоченности. Как известно, это характерно прежде всего для высокоадаптированных слоев, в то время как российские бедные выживают в одиночку. Но не только в отмеченном социальном аспекте состоит проблема правового присваивающего поведения. Демонстрируя неготовность к принятию правомерного (нормативного) поведения, группы, обладающие большим доступом к правовым ресурсам, тем самым объективно способствуют правовому поведению, не имеющему социально значимого смысла и претендующего в оптимальной ситуации на реализацию стратегии правового давления или поиска правовой защиты.

Такие позиции не могут считаться перспективными, но об этом необходимо говорить отдельно, так как присваивающее поведение, стабилизируя правовую ситуацию и поддерживая приемлемый уровень политического и правового конформизма, создает немалые осложнения в придании праву роли регулятора и координатора общественных отношений, рассматривая его как инструмент социальной модернизации российского общества.

В параграфе 3.2 «Перспективы преодоления присваивающего поведения в российском обществе» исследуются возможности нейтрализации и преодоления правового присвоения в поведении россиян как результата синхронизации деятельности института права и субъективных правовых мотиваций населения.

В целом, складывается впечатление, что присваивающее поведение для населения выглядит более привлекательным, чем правомерное, и в то же время можно зафиксировать уровень дифференциации правового присвоения у представителей различных социальных и социально-профессиональных групп. Если к самым активным можно отнести предпринимателей и чиновников, самыми пассивными являются традиционные слои, которых меньше привлекает возможность правового давления и которые привыкли действовать на уровне «просительских» схем.

Диссертант полагает, что хотя правовое присваивающее поведение и является более предпочтительным по сравнению с объективно противоправным и преднамеренно противоправным, в целом можно сказать, что в массовом сознании присваивающее поведение является показателем слабости в российском обществе или в лучшей степени – низкой социальной эффективности. Анализируя позиции населения по отношению к правовым нормам, можно отметить, что, как правило, респонденты ссылаются на несовершенство законодательства или избирательность применения права, полагая, что именно на них возлагается бремя ответственности. Считается, что другие группы либо уклоняются от исполнения норм и законов, либо им предоставлен «льготный» правовой режим.

Диссертант выясняет, что россияне вполне отчетливо осознают, что реальным гарантом прав и свобод граждан выступает государство, и с недоверием относясь к деятельности определенных государственных структур, считают, что важно создание таких условий, при которых не столько человек ощущал бы себя социально защищенным, сколько создавались правовые условия для инициативы предпринимчивости, готовности к риску. Но если задуматься над тем, что 55 % россиян в 2007 г.¹ выбрали общество социального неравенства, это не означает, что россияне пренебрегают социальными правовыми свободами. Есть и болезненная реакция на социальные разрывы в российском обществе, на дестабилизирующее социально-имущественное неравенство. Но, как подчеркивают авторы исследования, имеется в виду прежде всего равенство возможностей для проявления способности каждого. И здесь понятие права незаменимо.

---

¹ Российская идентичность в социологическом измерении. М. 2008. С. 131.

Подчеркивается, что в существующей форме эта возможность проявляется в виде присвоения. Следовательно, необходимо обеспечение оптимального доступа различных групп населения к правовым ресурсам, что, говоря конкретно, означало бы и предоставление бесплатных юридических консультаций, и эффективную работу судебных органов, и социальный государственный контроль за деятельностью правоохранительных структур, милиции.

Делается вывод, что присваивающее поведение ориентировано на стагнацию существующей правовой ситуации. Несмотря на претензии к институту права, население придерживается позиции невмешательства. Это следует из адаптационных стратегий населения, ориентированного, преимущественно, на экономические интересы и не видящего в гражданской активности залог реализации жизненных целей. То, что, судя по выборам модели государства, в зависимости от уровня образования респондентов наличествует так называемая социал-демократическая модель¹, не явно свидетельствует о том, что, с одной стороны, сократилось число патерналистов, тех, кто верил в опеку государства, но, тем не менее, правовой патернализм усилился. С другой стороны, так называемая оптимальная социал-демократическая модель в принципе опять же связана с приверженностью к правовому патернализму в том смысле, что государство должно через правовые механизмы активно вмешиваться в рыночную и социальную сферы.

Можно сказать, что правомерное поведение до сих пор не стало «ликвидным», но это, конечно, не означает, что оно не приобрело сигнальную функцию. Все-таки представленные данные не позволяют надеяться, что правомерное поведение в качестве реальной альтернативы присвоению будет приобретать свою значимость не только в гражданской сфере, но и в экономической и повседневной жизни.

В **Заключении** диссертационного исследования подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

---

¹ Адаптационная стратегия населения. 10 лет исследования. СПб, 2004.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

Булавкин А.А. Правовое поведение в концепте понимающей социологии // Научная мысль Кавказа. 2006. Доп. выпуск 2.— 0,5 п. л.

Булавкин А.А. Институциональные предпосылки присваивающего правового поведения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 12. 0,5 п.л.

Другие издания

Булавкин А.А. Особенности присваивающего правового поведения в российском обществе // Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. Материалы IV Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (1–2 декабря 2008, Ростов-на-Дону). М.; Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. — 0.1 п. л.

Булавкин А.А. Субъектное измерение присваивающего правового поведения. Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2008. 1,5 п.л.

Булавкин А.А., Кондратенко В.И. Проблема доверия в российском обществе: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2007. 1 п.л./0,5 п.л.

Сдано в набор 18.02.2009. Подписано в печать 18.02.2009.

Формат 60х84/16

Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.

Тираж 100 экз. Заказ № 331.

Отпечатано ООО «Антей».

344037, г. Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.